

18+

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

КООРДИНАТА

КООРДИНАТА



УРОКИ РУССКОГО

Захар Прилепин

Координата Z

Серия «Уроки русского (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69182923
Координата Z: Издательство АСТ: Neoclassic; М.; 2023
ISBN 978-5-17-156049-2*

Аннотация

Эту войну мне довелось предсказать и описать за несколько лет до того, как она началась в 2014 году.

Для этого, признаться, не потребовалась ни развитая интуиция, ни дар предсказателя.

Достаточно было смотреть на происходящее открытыми глазами.

С 2014 года я наверняка знал о том, что Россия не сможет избежать участия в украинской гражданской войне, и неустанно говорил об этом все те пресловутые восемь лет.

Что конфликт – не рассосётся, не исчезнет, что нужно готовиться к нему.

Я знал многих фигурантов этой войны, её героев и её негодяев ещё до того, как всё это началось. А когда началось – узнал столько, что сам порой пугаюсь этого знания.

Мне есть, о чём рассказать.

Захар Прилепин

Содержание

Часть первая. Слово, сказавшее себя само	6
Он улыбался	6
Живые и жившие	9
Навыворот	13
Смска	16
Докричаться	18
Свои	23
Поражение их всех	29
Главный страх Америки	32
Часть вторая. Будущее хранит победу	34
Армия – это про войну	34
Почему мы победим	39
Второй украинский фронт	42
Праздник тьмы	44
Ворующий имена	46
Воин, ты за белых аль за красных?	49
Европейцы попутали Эфиопию и Новороссию	54
Реваншисты против рашистов	59
Просвещённый эгоизм белых джентльменов	62
Часть третья. Бесстыдство стыдящихся	66
Их постоянство	66
Приличные люди испохабили мир	71
Откорм могильщиков	77

Заткнуться на чужих похоронах	81
Поломали монстров Кинга	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Захар Прилепин

Координата Z

© Захар Прилепин

© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая. Слово, сказавшее себя само

Он улыбался

18 февраля 2022 года, в день смерти моего отца, умершего за 28 лет до этого, мне приснился Александр Владимирович Захарченко.

Мне и сны снятся редко. И со дня своей смерти Захарченко – не снился ни разу.

Но этот сон – случился, и был на редкость, по-детски явственный.

Сияло солнце, и Захарченко будто светился от радости. Он тормозил меня, требуя, чтоб я разделил его настрой.

Я тоже улыбался, но всё никак не мог понять, в чём всё-таки дело.

Весь вид его говорил: видишь, сбылось же, всё сбылось! Смотри же, ну!

При этом он молчал, словно держа при себе одно заветное слово. Желая, чтоб я сам догадался.

Так и не сообщил ничего.

Быть может, это слово нельзя было произносить вслух.

...Открыв глаза, я некоторое время думал: о чём этот сон?

Втайне догадавшись в первую же минуту, я сам себе не захотел ни в чём признаться.

Не может быть, – решил.

По весьма сомнительной привычке современного человека вести публичный дневник, днём я сделал запись: мне приснился Захарченко, он хотел рассказать какую-то новость, но сон был немой.

Читатели отреагировали по-доброму: приснился – значит, помнит о нас. Значит, всё будет хорошо.

Ещё сутки я размышлял, время от времени возвращаясь к своему сну.

Все знавшие Захарченко помнили, что никакой иной мечты у него, кроме низложения Киева, – не было. Он был рождён – для сражений, и противостояние в бою стало его судьбой.

Он болел будущей победой. Он говорил об этом каждый день. Любая другая тема – полевые работы, музыка, женщины, жизнь вообще – неизбежно сопрягалась на каком-то этапе с темой неизбежной схватки.

И вдруг мне явилось это слово.

Упало в ладонь, как тяжёлая капля.

На следующий день я написал об этом в своём публичном дневнике: «Я понял слово, которое хотел произнести Захарченко!».

Я так и не решился назвать его, чтоб не накликать беду. Я хотел, чтоб это слово произнесли другие. Я попросил их

догадаться.

Люди называли много разных слов, но это – не решились. Наверное, по тем же причинам, что и я.

22 февраля, когда давным-давно назревавшая история начала отзываться явственными толчками, предвещающими извержение и роды, я сам назвал это слово вслух.

Война.

Он пришёл сообщить мне, что будет война.

Живые и жившие

В России проживает куда больше, чем 145 млн человек.

В России решают куда больше, чем 145 млн человек.

В России живут те 5 млн человек, что жили в Древней Руси.

В России живут те 7 млн человек, что жили при Иване Грозном.

В России живут те 15 млн человек, что жили при Петре Великом.

В России живут те 37 млн человек, что жили при Екатерине Великой.

В России живут те 170 млн человек, что выжили здесь после великой войны к 1945 году.

Они все тут, все с нами. Все жившие прежде. Мы им обязаны.

Мы обязаны не себе, а им.

Это бесконечный стол родни. Их лица уходят до горизонта.

В 1654 году Киев был взят воеводами Алексея Михайловича.

В декабре 1919 года красный командир Щорс выбил из Киева Петлюру. По месту рождения Щорс был украинец, по национальности, что характерно, белорус.

В ноябре 1943 года Киев был взят в результате наступа-

тельной операции под руководством генерала армии Ватутина.

Все, кто погиб, освобождая Киев, и все, кто погиб, освобождая земли Тавриды, Новороссии, Полтавщины, Слобожанщины, Правобережной Украины, и все, кто сражался за эту победу до и после, – участники нынешнего разговора.

Включая тех, кто давил бандеровщину ещё несколько лет по завершении великой войны.

Они смотрят за нами. Они никогда не оставят нас в покое.

Иной досужий человек скажет: мне там, в той стороне, ничего не нужно.

Но можно спросить его: с чего ты взял, что ты сам нужен здесь?

С чего ты взял, что ты необходим?

Что твоё слово вообще что-то весит?

Ты встаёшь, словно бы поднимая тост за этим бесконечным столом, на тебя устремлены бессчётные глаза предков, – и ты вдруг говоришь: я свободен! Я снимаю с себя все обязательства.

Если ты свободен – иди.

Иди и будь свободен.

Оставь этот стол.

Остальные здесь скреплены своими павшими и памятью о них.

Чем ты дороже одного генерала Ватутина, убитого бандеровцами?

Только в 1943-м, при освобождении Киева, погибли шесть с половиной тысяч человек. Чем ты лучше их?

Потери же за все боевые операции на Левобережье Украины – в ходе «Битвы за Днепр» – составили 417 323 человека.

С чего ты взял, что твой голос весит больше этого необъятного кладбища?

Ты решил это лишь потому, что ты живой?

Но это всё – ненадёжно, это всё – переменчиво.

Сегодня мы здесь, а завтра мы – за тем бесконечным столом.

Разве смерть обнуляет наши голоса?..

Когда я вижу коллективные «антивоенные» письма новейших времён – я вижу лишь листок бумаги, положенный на весы, где с другой стороны – 417 тысяч 323 человека, павших в битве за Днепр.

Украина должна быть освобождена не только во имя живых.

Она должна быть освобождена во славу всех павших.

Это – литургия.

Я был в Киеве, и мне показывали камень, где написано, что отсюда пошла земля Русская.

Показывавшие этот камень смотрели на меня с гордостью: понял, откуда ты, москаль?

Я понял, откуда я.

Я москаль, я рязанец, я потомок верхнедонских однодворцев.

Я хочу вернуться к своему камню.

Та, прежняя Русь, откуда пошли мы все, была разделена на княжества.

Она распалась на княжества, чтобы вновь воссоединиться.

Потом она распадалась ещё и ещё раз. Но всякий раз – воссоединялась.

Назрел новый распад. Земли, вошедшие в состав того, что ещё вчера называлось Украиной, отпадут, чтобы осмотреться, одуматься и понять: кто они, зачем они, где они?

Где они – не сегодня, а сразу во всей долготе и широте русской истории.

Где они в 863-м.

Где они в 1654-м.

Где они в 1919-м.

Где они в 1943-м.

Это – жизнь, она так выглядит. Пересборка сущего во имя прошлого и во славу будущего.

Навыворот

Украина и Донбасс пришли к 2022 году не просто отдельными, а взаимоисключающими понятиями.

Наполнились чёткими и действенными, но чужеродными друг другу смыслами.

В самом начале этой истории была большая Украина с одной стороны – и малый Донбасс с другой. Донбасс просил себе – всего лишь право на самостоятельную жизнь в самом углу Украины.

Спустя восемь лет Донбасс, несмотря на свою малость географическую, стал огромен. Теперь даже молчание его перекрывало неумолчный крик Украины. Донбасс же к тому времени – всё сказал.

В красноречии привычно соревновались все, кроме Донбасса. И всё острее было ощущение: в том диалоге, что вёлся между мировыми игроками, стоило слышать не сказанное, а – произносимое. Главное – не перепутать. Потому что зачастую произносимое имело противоположный умалчиваемому смысл.

Коллективный Запад вслух утверждал: Россия готовится напасть на Украину, всё мы про вас знаем, ха! Втайне при этом коллективный Запад насмехался: никуда вы не нападёте, духу не хватит, иначе мы вас отключим в клочья от всего и введём санкции Судного дня.

Россия вслух отвечала: нет, я не хочу никуда нападать, у меня Олимпиада и скоро посевная. Втайне при этом Россия говорила: если вы не уймётесь – пеняйте на себя.

Но ей не слишком верили. Причём, как ни парадоксально, ни первой части утверждения не верили, ни второй.

Остановившись на миг, стоило бы вспомнить: они всякий раз сомневаются – и теперь даже непонятно, почему.

Было лето 1999-го, и было вторжение в Дагестан с территории буйствующей Чечни. Тогда ведь тоже на коллективном Западе были уверены, что ничего не случится, и происходящий кошмар Россия станет терпеть вечно.

Были уверены они и в 2008-м, что никакой реакции на буйный порыв Саакашвили не будет, и Грузия захватит Южную Осетию.

Были уверены, что русские смирятся с изгнанием президента Януковича из Киева в 2014-м.

Были уверены, что в августе того же года ВСУ тихо добьют ополчение на Донбассе, а Москва – отвернётся.

Были уверены, что в Сирии русские не решатся ни на что.

Были уверены, что в Нагорном Карабахе 2021 года обойдутся без русских.

Были уверены, что в Казахстане очередная, накануне украинской войны, «цветная революция» сойдёт им с рук: ну, не будут же русские вводить войска.

Они пугали, пугали, пугали весь мир русскими – а сами всякий раз думали: нет, на этот раз точно ничего не случит-

ся, на этот раз мы их продадим, унизим, сомнём.

Российская прогрессивная интеллигенция тем временем вела свой привычный надрывный монолог, где явное скрывало тайное, но тайное было явно настолько, что торчало наружу, как хвосты и рога у бременских музыкантов.

«Остановите безумие, остановите войну», – твердила интеллигенция в феврале 2022-го, но обращалась при этом исключительно к России, как будто Россия бегала с палкой по опушке, где на каждом пенёчке притаилось по пушистому зайчонку.

Смысл призыва был до оскомины обычен: Россия, исчезни ж ты, наконец! Без тебя всем будет только лучше. Донбасс всё равно почти обезлюдел – пусть Украина его поскорее вернёт себе. А если тебе, Россия, так дороги твои луганские и донецкие шахтёры, то засунь их себе за пазуху, рассели в ростовских землянках и больше никому не показывай.

И вот этот диалог – где всяк стремился выглядеть прилично, дипломатично, человечно, но изнутри смотрел зверем, – всё длился, и длился, и длился. Все вводили друг друга в заблуждение, и каждый кривлялся на свой лад.

И оттого всё болезненнее чувствовалось, что посреди этого гомона и тарарама вдруг прозвучит одно усталое слово на русском языке.

«Заколебали».

Смска

За два дня до, 22 февраля, я успел написать и опубликовать письмо, которое, кажется, так и не пришло к адресату.

Вот оно.

«Нам нужна Украина – без НАТО, без любых мыслей о ядерном оружии, с правом выхода областей из её состава, с осуждённой на государственном уровне неонацистской идеологией, с русскими школами, с восстановленными памятниками и улицами с возвращёнными именами, с проведением расследований и судебных разбирательств по донецким и луганским обстрелам, по одесскому кошмару, по убийству Олеса Бузины, по убийству Александра Захарченко, по убийству Михаила “Гиви” Толстых и Арсена “Моторолы” Павлова.

Нам нужно выпустить на волю сотни политзаключённых и сидящих по украинским тюрьмам ополченцев и прорусских активистов.

Нам нужна Украина, не побоюсь этого слова, демократическая – с открытым для всех политических партий парламентом, с реальной свободой СМИ, с русскими телеканалами и газетами.

Нам нужна Украина без агентов ЦРУ на каждом этаже власти.

Если для создания такой Украины найдутся политические

силы в Киеве, готовые брать на себя ответственность, – можно садиться за стол переговоров.

Мы думаем о будущих поколениях россиян, которые имели бы в соседях русофобскую, получившую ядерное оружие державу, направляемую извне и презирающую не только наших граждан, но и своих.

Мы желаем мира всем, но думаем – о себе и своих детях: это наш долг.

Мы не считаем своих соседей врагами, в разговоре с которыми уместны все средства убеждения.

Если нас окликнут – мы услышим.

Попросите Зеленского написать в Москву одно смс: “Я понял”.

Если у вас друзья в Киеве – попросите, чтоб они вышли на Майдан и потребовали написать это чёртово смс в Москву.

Вместе с ним можно отправить факсом договор о безъядерном статусе Украины навсегда и об отказе даже помыслить о вступлении в НАТО.

И это реально даст результат. Одно смс и пара факсов! Нет?

Ну, на нет – и суда нет».

Докричатся

Никогда уже не покинет горькое ощущение давней обиды.

У той обиды – почти детская болезненная обострённость, которая, знаете, иной раз не даёт покоя целую жизнь.

Это чувство я впервые испытал в марте 96-го. Мы выезжали из Ханкалы в Грозный и сидели в кузове открытого грузовика.

Ханкала была тогда военной базой федералов под Грозным. Многие московские журналисты находились там безвылазно, но в компании с нами в тот раз решилась поехать в страшный город одна московская корреспондентка со своим оператором.

Они были с телеканала, который неустанно показывал нас как мародёров и живодёров.

Они долго размещались посреди кузова.

Грозный простреливался насквозь, и журналистке было страшно выезжать из Ханкалы.

Но поразительным образом её страх оказался слабее её безразличности. Она насмешливо разглядывала нас. Её словно бы поместили между животных. Она смотрела – на животных.

Она приехала только что, и ещё несла запахи столицы. Это мучило моё обоняние. Только тогда я вдруг понял, что мы – люди в камуфляже – друг для друга не пахнем, а для неё –

пахнем. Так же резко, как она для нас, только хуже.

«Глупые дети, – говорил весь её вид, – куда вас занесло? Неужели вы не понимаете, что ваше государство преступно?»

С тех пор прошло 23 года. И вот они вернулись – этот запах, этот взгляд, эта брезгливость.

Что мы увидели вокруг в первый же день войны?

России поднесли зеркало – и она ужаснулась. Она ужаснулась вся, но по-разному.

Одни ужаснулись неизбежным смертям.

Другие ужаснулись ликующему предательству российской интеллигенции, российской финансовой аристократии.

Интеллигенция и аристократия прокричали множеством глоток: «Позор! Уберите прочь всех этих ваших военных!...»

Мы знаем, как славно, как приятно быть добрым.

Но люди!

Это же ваша армия. Она существует на ваши налоги.

Наконец, это ваши дети. Братья, отцы, соседи, сограждане.

Надо учиться нести за всё это ответственность.

Что ж вы сразу бросили себе это под ноги, малoverы?

Выяснилось тогда, что в России живёт огромное количество людей, озабоченных исключительно своим реноме, которое они пытаются выдать за совесть.

Есть, верю, и другие: имеющие совесть, и даже измученные ей, – но болеющие только о своей совести. В те дни, ко-

гда стоило болеть – совсем о другом.

О согражданах, которые ночуют на земле, в броне, под бронёй – на той стороне земли, на иной стороне бытия. Внутри необъятной смерти, в её животе.

Они не ведали сна. Если им удавалось заснуть на час, посреди грохота и ада, им снилась Родина.

И в этой Родине – те, что не замолвили о них ни слова. Отрекшиеся от них сразу, тут же, немедленно, скоротечно, поспешно, прилежно, старательно.

Эти люди, на другой стороне реальности, в любые времена, – моя родня.

У них нет голоса, они даже не могут вскрикнуть, чтоб их услышали.

Но они – счастье и соль моей земли.

А вы? – кто вы такие, с вашим городским запахом, с вашим взглядом сквозь них?

Я не знаю вам имени.

Подписывайте из века в век ваши миротворческие письма, выстраивайтесь на очередь в свой рай. Пока они – там, в аду.

Вас так раздражали тысячу раз повторённые слова про «восемь лет»...

Ну что, меня они тоже раздражали – особенно повторённые в устах тех, кто мог бы в эти восемь лет туда хоть раз явиться, но так и не явился.

Не меньше вас меня раздражали московские аналитики

и сетевые стратеги,двигающие полки и дивизии, отдающие приказы о наступлении, и особенно вот эти, которые: «Пленных не брать! Никаких переговоров!».

Но я всё равно никогда не пойму, почему главным вопросом в тот день для вас стал «Как же мы будем жить?» – с ударением на «мы».

Хотя главный вопрос – всегда иной: как они там сейчас, будут ли они живы завтра – наши дети?

Зачем вы плюнули в них раньше, чем вас кто-то попросил об этом?

Да, у вас есть объяснения, оправдания. Ведь этих детей – их послал дурной, тёмный человек. Кто же любит быть на стороне темноты?

И вот вы, морщась от запаха, говорили: «Пусть эти дети как-нибудь выберутся, пусть там всё само по себе рассосётся: мы их туда не отправляли, и мы хотим их вернуть. Я против войны».

Знаете, и я тоже.

Я хотел бы остановить войну в тот же миг, когда она началась.

И застыть на этой точке.

Иначе этот урок не будет выучен. Иначе он забудется и рассосётся.

И мы опять вернёмся в этот мир, который царил ещё позавчера.

В мир людей, которые в любой миг сдадут конкретно тебя

– в бушлате под последней утренней звездой.

...Я всё хочу сказать той московской девушке, что тогда смотрела на нас в грузовике.

Ты думаешь, мы мечтали о том, чтоб ты нас вернула домой?

Нет, мы мечтали о том, чтоб ты оставила нас в покое.

Ясно тебе, нет? Могу я до тебя докричаться, наконец?!

Оставила нас в покое – со своими коллективными письмами, репортажами и своим ароматом правоты.

Среди вас страшно жить – в том виде, который вы явили в первый же день войны. В том виде, который вы раз за разом воспроизводите в любую мрачную годину.

Едва ли мы достойны этого пространства, что раскинулось вокруг нас.

Наше прошлое огромней и тяжелее нас.

Нас не разглядеть в тени прошлого: настолько измельчали слишком многие, неустанно мельтешащие перед глазами.

Вера только в тех – лежащих в ночи под своей звездой.

И я хочу сказать им, и я говорю.

Сынок. Я люблю тебя. Всё будет хорошо.

Ты непобедим. Ты рождён самой щедрой и самой мудрой землёй. Делай своё дело.

Наши святые не оставят нас.

Других толковых заступников для тебя на сегодня нет.

Свои

В первые дни СВО вся страна взахлёб пересматривала ролик с короткой заповедью артиста и режиссёра Сергея Бодрова. Где он, улыбаясь своей самой простой на свете и самой очаровательной в мире улыбкой, сказал предельно нужное всем нам и предельно точное.

«Во время войны нельзя говорить плохо о своих. Никогда. Даже если они неправы».

Тем более нельзя говорить плохо, если ситуация спорная. Человек не обязан разбираться в тонкостях мировой политики. Он, может, только позавчера взрослеть начал, земную свою жизнь зайдя за середину. Ну и пусть он молчит, этот человек, это не главная его обязанность – иметь мнение по любому поводу.

И вовсе преступление – говорить плохо о своей армии, когда правота твоих солдат и офицеров очевидна.

Для меня, схоронившего на Донбассе самых главных друзей, лучших людей в моей жизни, выше этой правоты ничего нет.

Но это – для меня. Люди вовсе не обязаны верить мне на слово.

Они хотят доводов.

Якобы пацифистские и якобы прогрессивные доводы общеизвестны: каждый день противостояния с Украиной – это

десять лет будущего раздора, это вечная взаимная ненависть.

Эти люди не знают, какой я старый. Они даже не догадываются, что я это уже слышал.

Только я слышал это по радию в городе Грозном, в кроватной серединке девяностых, когда на нашу волну – федералов и спецназа – вылезал один ныне забытый московский правозащитник.

И он ныл, ныл, ныл, занимая волну, про вечный раздор и вечную, предстоящую русским, войну. А люди служивые – они спорить не горазды; они морщились, как будто им зуб сверлили без заморозки, и смотрели друг на друга с одной мыслью: вот нахер он сюда влез?

Потом, конечно, посылали его прямым текстом.

Но вспомнил я вовсе не о правозащитнике, а как раз о Бодрове и его словах.

Он ведь, давайте признаемся, про ту войну говорил. Она как раз шла тогда, когда он это говорил. И артисты, и музыканты, и прочие правозащитники любых прав, кроме прав русских людей, требовали в те дни «мира» – и русской капитуляции.

У них работа такая по совместительству – время от времени кричать: «Рус, сдавайся!».

И они даже добились её тогда – этой ненужной и подлой капитуляции.

И получили в итоге, спустя два года, прямое вторжение на нашу территорию отрядов террориста Хаттаба.

Но они, эти артисты, не испытали в связи с этим ни малейшей вины. Они никогда не испытывают никакой вины ни за что.

И только в ответ на вторжение, стремительно, без оглядки на всё это нытьё, была разрешена та проблема: противостояние, длившееся к тому времени всё те же восемь лет.

Что мы имели бы сегодня под боком, на юге страны, если б этого не случилось? Если б страна не увидела однажды в выпуске новостей Хаттаба, переставшего дышать и навек присмирившего?

Какого размера и какой степени накачки наркотой, оружием и наёмниками террористический анклав был бы у нас в подбрюшьё?

И вообразить страшно.

Но главное даже не это.

Прошли считанные годы. Не столетия, которые обещал нам тот правозащитник, а годы.

И вдруг накачанный добрыми советами своих партнёров грузинский лидер Саакашвили решил осуществить один всем нам памятный блицкриг.

И тут мы впервые увидели в числе самых боевых подразделений, что этот блицкриг свернули в бараний рог, знакомых бородатых ребят.

– А вы чего здесь? – поразились мы.

– Главнокомандующий приказал, да.

– Какой такой главнокомандующий?

– Какой такой, Владимир Владимирович, брат, а какой же. И мы засмеялись. И мы обнялись.

Потом помню уже другую историю: я заезжаю в Донецк в солнечный день 2014 года, город пронизан канонадой, пуст, машин почти нет, и у кафе «Легенда» меня тормозят ополченцы, но только не местные.

– Ты, – говорят, – кто?

– А вы, – говорю, – ребята, случаем, не из Грозного?

– Да, а что?

Ну и познакомились. И тоже чуть попозже обнялись.

И теперь, когда мы пересматриваем этот ролик Бодрова, мы пересматриваем его вместе с моими бородатыми товарищами. С этими вот самыми.

И странным образом они тоже любят Бодрова. И, что во все поразительно, не считают, что сказанные им слова касаются их.

Потому что этот ролик не против них. Этот ролик – за них.

Ещё в том, 2014 году, сидя с ополченцами на луганской окраине, я рискнул и сказал вслух то, что скажу сейчас.

Сначала будет победа. Надо убить змея.

А потом пройдёт совсем небольшой срок, по земным меркам и вовсе смешной, – и мы увидимся с этими вот заблудшими душами с той стороны линии соприкосновения, на очередном перекрёстке судьбы.

И вдруг узнаём друг друга.

Потому что в одном окопе будет сложно не узнать друг

друга.

И мы спросим тогда: «А ты чего здесь?».

А нам ответят: «Ты шо, брат? Верховный главнокомандующий приказал».

Потому что этот бодровский завет – он про что-то большее, не про сиюминутное. Он – про вечное.

Мы – свои.

Надо перетерпеть, перемучиться, пройти через эти жуткие роды.

И нам снова не будет равных нигде.

Иван, Хасан, Микола. И этот, как его, который бурятский танкист.

Свои.

... Что до людей, которым всякий раз очень стыдно и которые болеют за кого угодно, кроме своих, я одно у них спросил бы.

Теперь они знают, как к ним относятся эти вот бородатые ребята в чёрном, которые 24 февраля 2022 года маршировали с утра по Грозному – а следом стремительно оказались в одной соседней стране.

Знают наверняка. Эти бородатые ребята их – презируют.

Ну, вот и украинские ребята будут относиться к ним так же.

Миротворцы думают, что наживают себе друзей, слезясь и отекая в приступах доброты.

Нет, они наживают себе будущих врагов.

Ведь миротворцы вводили их в смертное заблуждение.

Те, кто были введены в заблуждение, давно перешли бы к своим – к нам. Они были бы среди нас, если б их не обманули.

Если б не эти фарисейские слёзы, если б не эти лукавые пацифистские песни, если б не эти позорные миротворческие аватарки.

Они бы – выжили.

Поражение их всех

Почему Киев не сдался сразу же?

Зачем Запад начал бешеные поставки оружия на Украину?

Помимо очевидных ответов, есть ещё один, который стоит проговорить вслух. Он состоит в том, что никто из них не был заинтересован в масштабном судебном разбирательстве по итогам всех этих восьми (и даже более) лет.

В ходе суда должны были возникнуть – и получить ответы – следующие вопросы.

Какие тайные договоры о сотрудничестве в военной сфере подписал Киев с его западными партнёрами и кураторами?

Какие консультации и с какой целью проводились все эти годы? Что конкретно было запланировано? Что успели запустить в работу?

Пресловутые химические лаборатории; планы зачистки Донбасса; планы возврата Крыма; планы любой деятельности на территории Российской Федерации, вплоть до террористической.

Не стоит думать, что все документы успели сжечь или уничтожить. У любого дела есть свидетели, исполнители, консультанты. Есть отсканированные и спрятанные в сейф бумаги, есть затерявшиеся в пиджаках и ящиках стола флешки. Есть, наконец, такая вещь, как чистосердечное призна-

ние. Много чего есть.

И шаг за шагом должно было выясниться слишком многое, слишком катастрофичное.

Кто стоял за «майданом» 2014 года?

Кто стрелял сначала в «Беркут», а потом и в протестантов?

Как реально выглядела ситуация 2 мая в Одессе? И если это была спланированная акция, то кто её планировал?

Сколько людей были убиты и замучены в Харькове, Запорожье, Мариуполе и других городах за подозрения в прорусских настроениях?

Что успела продать Западу украинская власть: недра, секреты, предприятия – весь список?

Кто отдавал приказ о бомбёжках ядерного могильника в Донецке?

Кто стоял за массовыми обстрелами жилых кварталов Луганска?

Кто конкретно приказал убить Арсена Павлова, Михаила Толстых, Александра Захарченко? Кого ещё собирались убить, но не успели или не смогли? Кого планировали своровать, вывезти, взорвать, отравить, запугать?

Кто и как на Украине помогал попытке совершить «майдан» в Белоруссии и «майдан» в Казахстане?

Вы думаете, это весь список? Это даже не половина списка. Даже не треть его.

Если такой суд пройдёт – разумный мир ахнет.

Нет, мы не строим иллюзий: демократические институты отвернутся и сделают вид, что ничего этого нет вообще. Что это скучный, ненужный разговор. Российская миротворческая интеллигенция всё так же привычно прикроет усталый взгляд и скажет: «Ну, сколько можно об этом говорить...»

Однако все, кому надо, сделают выводы. Все государственные лидеры на постсоветском пространстве. Все представители элит иных государств мира. Реальные интеллектуалы, озабоченные будущим человечества.

Западные страны будут поставлять любым противникам России на постсоветском пространстве оружие не потому, что им так дорога украинская (и любая другая) демократия. Но потому, что они – соучастники преступления.

Это единственный выход для них: помогать тем, кого они растили для того, чтобы убить Россию.

Единственный выход для нас: никогда не останавливать начатое.

Во благо всех живых и мёртвых.

Заповедь на все времена.

Главный страх Америки

Почему Америке, Европе, НАТО, всем этим политическим и финансовым мировым игрокам было так важно, чтоб Украина не проиграла?

Потому что американская разведка работала на Украину в режиме реального времени.

Вообразите, как выглядело поражение Украины в глазах американцев.

Украина – это 35 млн населения. Бесконечные человеческие ресурсы! Колоссальный боевой опыт украинской армии! Вышколенной, между прочим, по натовским образцам, но при этом сохранившей и советские навыки. Построившей в Донбассе под руководством натовских специалистов лучшие в мире укрепления и три линии обороны. Обстрелянные офицеры! Колоссальная мотивированность! Вера в идею и готовность умирать за неё! Умирать, не считаясь с потерями, в огромных количествах.

Но вдруг эту Украину победит Россия.

Украину! С её американской космической разведкой; немецким, британским, американским и прочим оружием; бесконечным ленд-лизом, траншами и займами; наёмниками со всего мира; западными военными консультантами экстра-уровня.

Если Украина проиграет – значит, у России космическая

разведка лучше, чем у США; ракеты лучше; танки лучше; командиры лучше; военные специалисты всех профилей тоже лучше.

А то, что у русских самые смелые и выносливые солдаты, там и так знают.

Для всего мира это будет означать, что в неядерном конфликте русские побьют США. На любом континенте в прямом столкновении русские побьют США и любую европейскую армию. Потому что никто из них не имеет такой смертельной мотивации, как Киев и факельные добробаты.

Именно поэтому американцы, а также их сателлиты всеми зубами и когтями – за Украину.

Поражение Украины – не моральное, а военное их поражение.

Это поражение выводит Россию в мировые лидеры.

Отдельный плюс России ещё и в том, что мировым лидером она быть не хочет. Она хочет только одного: чтоб её оставили в покое.

Большую, добрую, никому не желающую зла Россию оставили в покое с её Донецком, Луганском, Славянском, Севастополем, Мариуполем, Черниговом, Николаевом, Харьковом, Одессой и Киевом.

Часть вторая. Будущее хранит победу

Армия – это про войну

Воевать – тяжело, больно, муторно, грязно.

Но и это – работа. И к этой работе тоже возникает привычка.

Мы не знаем точную цифру «контрачей», что до начала спецоперации успели принять участие в тех или иных боевых действиях. Кампания на Северном Кавказе была давно. И даже грузинская – давно: к 2022 году – 14 лет пролетело! Да и прошла она слишком быстро: тот опыт не успел укорениться.

Оставалась Сирия. Но едва ли даже четверть от общего числа участников спецоперации имела сирийский, к тому же крайне специфический, опыт.

Спустя месяц после начала специальной военной операции мы обсуждали в Донецке текущую повестку с легендарным комбатом Ахрой «Абхазом» Авидзба. И он вдруг спросил: «А когда Россия последний раз всерьёз воевала с регулярной армией? Не с бандитами и террорюгами, а с регулярной армией? В 1945 году?...»

Это был серьёзный повод задуматься.

Россия обладала достойной армией и частями Росгвардии, имеющими весомый контртеррористический опыт.

Но, увы, огромное количество людей в форме у нас не имели опыта того, что в Донбассе именовалось «лютая война». Опыта лобовых столкновений с организованным противником, имеющим чёткую и продуманную цель: убить тебя.

Сколько в своё время издевались досужие аналитики над донбасским ополчением! Писали, что там остались одни алкоголики и наркоманы. Что боеспособность донецких и луганских частей – на нуле.

Но начало войны показало совсем иное.

Армии ДНР и ЛНР продемонстрировали уникальные возможности.

Объяснения тому просты: донбасские бойцы в самом прямом смысле обстреляны. Очень многие вещи их уже не пугали и не дезориентировали: они давно на слух научились определять, что куда летит и какова доля реальной опасности. Они научились с честью выносить тяготы и лишения воинской службы зимой, весной, летом, осенью – а служба, как известно, во всякую пору года имеет свою непростую специфику.

Наконец, они с первого дня знали, *за что* воюют, и врага различали в лицо. Он им был не страшен. Ведь они сами «такие же, только хуже». (Лучше.)

В те, прежние годы даже российские штабные военспецы, заезжавшие в Донбасс, терялись при обстрелах, которые у донецких уже не вызывали ни малейших эмоций. («Это не по нам – это в соседний двор».)

Да, конечно же, лучшие части российской армии – сильней и подготовленней, чем даже элитные донбасские спецназы. Но средний уровень донбасского ополченца был куда выше среднего уровня российского солдата, сержанта, офицера: просто в силу, повторимся, элементарного многолетнего опыта.

Увы, весомая часть украинской армии обладала тем же опытом, что и донбасские части. Ну, почти тем же – потому что, признаться, серьёзного победного опыта у них не имелось: в своё время они вошли в оставленный Славянск, они вошли в оставленный Краматорск, они вошли в оставленный Мариуполь и щедро наградили себя за это медалями и званиями. Но они проиграли Дебальцево, Иловайск, луганский аэропорт и донецкий аэропорт: то есть все ключевые сражения донбасской войны первого периода.

Ополченцы, хоть и не без весомой помощи северян, уделали нацбаты и ВСУ – и обе стороны про это помнили все восемь лет.

Тем не менее, привычка к позиционным боям у ВСУ и нацбатов имелаась: они тренировались и готовились к реваншу всё те же восемь лет.

Зашедшая на Украину российская армия в огромной

своей массе была не готова к тотальному сопротивлению, вспыхнувшему с первых даже не дней, а часов.

Эффект «вежливых людей» сыграл с нами дурную шутку. Мы сами себя дезориентировали.

В первые недели с фронта снимались целые подразделения, отказываясь воевать. Они не думали, что здесь их ждёт такой кошмар. Их увольняли с позором.

Но тот кризис был преодолён.

Отдадим должное русскому солдату и офицеру: угодив в полымя, он не сдался, но выполнил поставленные задачи – блокировал с трёх сторон Киев, окружил Чернигов и Сумы, превозмог шок первых часов, дней, недель.

Мы ничего не проиграли в бою, но, напротив, всё, что смогли, – выиграли. И, как и в 2014 году, мы подарили за так противнику «перемоги», оставляя населённые пункты, где могли бы стоять.

Если в феврале мы имели только малую часть армии и подразделений Росгвардии, обученных самой войной, то вскоре этот опыт обрели сотни тысяч солдат, сержантов, командного состава.

И этот опыт, что бы ни говорили на той стороне, чаще всего победный.

Русские в первый же месяц элементарно прошли, проползли, проехали больше, чем украинская армия за восемь лет.

Русские в основной своей массе стремительно нагнали

опыт лучших донбасских подразделений. Учиться пришлось на ходу, в муках, но иной формы обучения не было предусмотрено.

Да, потом случались неудачи. Но опыт неудач в конечном итоге – если он не ломает дух – может и должен обогащать. Так не раз уже бывало.

Грустно, что учиться войне с регулярной и беспримерно мотивированной армией пришлось на ходу.

Хорошо, что это наконец случилось.

Легко не будет и впредь. Но зато армия точно узнала, в чём её предназначение и как эту жуткую работу следует выполнять.

Невежливая работа людей, поставивших функцию «вежливость» на стоп. Данная функция пригодится несколько позже.

Армия – это про войну.

Почему мы победим

Почему мы победим.

Победим не всю Украину, а бесноватую её часть, большой аппендикс.

Победим потому, что.

Потому что мы не издеваемся над пленными. А они издеваются, как невменяемые. Они унижают людей, по-детски не понимая, что так же могут быть унижаемы сами. Но им не отвечают зверской взаимностью. Поэтому и победим.

Потому что мы не смакуем вид мёртвых – а они смакуют, млея от восторга. Тошнотворная психологическая некрофилия творится в их душах.

Потому что наши женщины не желают им зла и страшной смерти, а их женщины – из числа тех самых, бесноватых, – ходят туда-сюда, таская фотографии убитых и сгоревшей техники, и, закатывая глаза, хохочут, и белые зубы влажно блестят.

Потому что мы тащим, не бросая, свою хворую и болезненную правду, а они лгут, лгут, лгут, и ложь – единственная форма подачи ими материала, новости, смысла как такового.

Потому что они – враги украинского, малорусского, русского народа и казачьего рода, а мы и есть этот народ, этот род.

Потому что за нами стоят Гоголь, и его Тарас, и его Остап,

а за ними – Андрей и лях. Потому что за нами – Богдан Хмельницкий, матрос Кошка, маршал Рыбалко, и советский поэт, харьковчанин, участник Отечественной Михаил Кульчицкий, и его отец, русский офицер, автор «Кодекса чести русского офицера» Валентин Кульчицкий, а за ними – Мазапа, Петлюра и Бандера, общее имя которым – Иуда.

Наши павшие стоят за нами стеной – их вурдалаки летают над ними зудливым роем, и с них отекает гной.

Скажу, что произошло. Случилась битва подделки с оригиналом. Это – выморочные, липовые квазиукраинцы, недомалороссы, антирусские.

Перед нами тот самый «чёрный человек» – инфернальный двойник, о котором писали Пушкин и Есенин. Он кривлялся в зеркале и корчил нам рожи.

Мы увидели «маску», которая «с той стороны зеркального стекла».

Мы увидели ту самую обезьяну из рассказа Эдгара По, что с бритвой пародировала бредущего человека, а потом перерезала ему горло: она не ведала зла, ей никто не объяснил, что это такое.

Взбесившееся отражение взяло в руки оружие.

Оно угрожало не «русским оккупантам». Оно угрожало всему сущему. Не щадя своих детей, грабя церкви, запугивая священников и травя беззащитных.

Это было невыносимо терпеть.

Это нельзя не победить.

Из века в век это придётся побеждать.

Второй украинский фронт

С 2014 года в армиях ДНР и ЛНР воевали сотни, а потом уже и тысячи выходцев из Киева, Одессы, Николаева, Запорожья, Харькова. Я встречал бойцов родом из Львова! Чернигов, Сумы, Винница, Полтава – вся география была представлена в ополчении.

Мы никогда не стеснялись вслух произносить словосочетание «гражданская война», говоря о событиях в Донбассе.

Гражданская война в очередной раз неизбежно окатит всю Украину.

Однажды нам снова понадобится харьковское подразделение, названное в честь маршала Павла Семёновича Рыбалко, местного уроженца. И ещё одно – в честь Сидора Артемьевича Ковпака, который тоже из тех краёв.

В Одессе появится отряд, названный в честь маршала Родиона Яковлевича Малиновского, местного уроженца. И ещё один – в честь маршала Семёна Константиновича Тимошенко, он оттуда родом.

Черниговский батальон имени Олега Васильевича Кошевого, героического молодогвардейца, обязан появиться. Сумской батальон имени лётчика Ивана Никитича Кожедуба должен быть. И херсонский батальон имени Сергея Фёдоровича Бондарчука – уроженца Херсона, советского режиссёра, участника Великой Отечественной.

Выбор – преогромный. История работает на нас. История самой Малороссии – пышной, героической, гоголевской, великолепно, родной нам.

Богдан Хмельницкий родился на территории нынешней Черкасской области – значит, быть там полку Хмельницкого.

В Виннице сам бог велит собрать полк в честь родившегося там запорожского атамана Ивана Серко – великого воителя, присягнувшего русскому царю. Серко – истинная украинская легенда, герой несчётного количества песен и сказов, в отличие от всех этих богомерзких мазеп.

Пусть поклонники Мазепы рискнут выйти против бойцов полка имени Серко. Пусть наследники Шухевича и Мельника рискнут поднять голос на последователей Рыбалко и Кошевого.

Нам ещё предстоит возвращать Украине – Украину, России – Россию, нас – нам, историю – правде.

Великая война символов шла и будет идти впредь.

Но испокон веков наши символы – стократ сильнее.

Праздник тьмы

Вся Украина знала, что сидевшие в подземельях Мариуполя их бойцы – обречены на поражение.

Но в Киеве были способны заранее смириться с любыми человеческими потерями. И когда потери случались – они умели забывать о них немедленно, навсегда.

Киевская власть сидела на одной чаше весов, а на другую валила фарш из миллионов людей. Произошла трансформация самой формы государственного мышления. Где люди, в сущности, не значат ничего – зато невероятно значимо идолице великой имперской украины (никогда на самом деле не существовавшей). Где политическая нация – абсолют всего сущего.

В начале войны, в 2014-м, мы думали, что они настолько ненавидят Донбасс, что готовы убивать не переставая.

Но в 2022-м мы увидели своеобразное политическое людоедство как форму поддержки и продолжения существования. Несмотря на цивилизованный вид Зеленского и Арестовича, эти приличные, приторные люди успешно подогрели глубоко архаичное верование с неизбежным принесением жертв. Мы увидели политическую нацию – людоеда, который ест не только других, но способен в минуты резкого голода жрать самого себя.

И в этом смысле Украина начала XXI века реально обра-

тилась в древнюю цивилизацию, как их новейшие историки в дурацких колпаках рассказывают. Но древняя – только вот в этом конкретном смысле.

Поразительное варево из неонацистских гнилых кореньев, крепко привитого спесивого шляхетского снобизма, распухшей до невероятных величин прокисшей обиды, ложной богоизбранности Зеленского, который совершенно серьёзно играет в «страсти Христовы», то и дело срываясь на обличающий тон ветхозаветных пророков, и «европейского либерального выбора», этого вот пахучего сыра, которого они якобы возжелали «всем народом».

Но тянет от этого варева – не европейскими кафе.

Эта – архаика. Это – позапрошрое. Из этого чана торчат человеческие руки и ноги.

Ворующий имена

Помнится одно ночное обращение Зеленского, вдруг заговорившего на русском языке. Ему важно было, чтобы его поняли в России. Он сам в этом признался.

Цель выступления даже не скрывалась: посеять внутри России межнациональную рознь.

Главным тезисом речи было нехитрое утверждение, что кремлёвский тиран решил известить все российские нацменьшинства, скормив их войне.

И дело даже не в том, что Зеленский врал (а он врал). Дело было в дичайшем абсурде происходящего.

К России обращался президент страны, где украинизировалось – всё живое, все малые народы! Где и гуцулы оказались не гуцулы, и русины – не русины...

А там ведь ещё живут венгры, поляки, белорусы, румыны, болгары, лемки, буковинцы. Про русских даже не вспоминаем. Да и нелепо именовать «малым народом» как минимум половину населения Украины.

И все они – последовательно и принудительно обращались в неразличимую квазихохлятскую массу. В душу каждому приживляли трезубец и ждали, когда его зубья полезут из ушей. Только тогда представитель нацменьшинства был вправе считаться нормальным человеком.

Мазанные одной краской, заключённые в одну потную

футболку, как в мешок, в котором их понесли топить за великую псевдоукраинскую незалежность.

На Украине миллионы русских людей принудили, приучили умирать за иллюзорную ложноукраинскую, уродливую, бесстыдную идею «Украины», объявив им, что теперь они – «украинцы».

Отняли их род, обокрали их на тысячу лет, плюнули в самую душу – и потащили на убой. Иванов с вырванной из сердца памятью, с выпитой кровью.

В каждом списке украинских убитых – половина великороссийских фамилий, и густо насыпано иных: гуцульских, венгерских, греческих...

Они что, за свои интересы умерли?

Они умерли за чёрт знает что!

За американский протекторат над бандеровским гомуном, присосавшимся к территории, которой управляло говорящее тело, не имеющее никакого отношения ни к малороссам, ни к запорожским казакам, ни к тавричанам, ни к подолянам. Оно мимо проходило – и по пути выучило мову, чтоб обокрасть сразу всех.

И обокрало ведь!

И у этого неслыханного прохиндея хватило совести обращаться к многонациональной, многоконфессиональной стране – к России! – где национальные автономии имеют огромные преференции, – и что-то там по-русски затирать про свободу.

Кумык, татарин, аварец, калмык – да кто угодно, живущий в России, – если б ты был украинцем, у тебя было б одно имя.

Ты был бы коллективный Мыкола с трезубцем, воткнутом в темечко. С мозгом, забитым мелко пережёванной ложью, которую нёс человек, у которого не имелось за душой ни Мухаммеда, ни Христа, ни Будды.

То обращение Зеленского было обращением президента тотальной унификации и постыдной простоты – к стране безусловной сложности.

Его совершенно по делу именовали шайтаном. Он воровал имена, и это было главной его заботой.

Русские – имена возвращают.

Воин, ты за белых аль за красных?

Никакой социологии относительно политических убеждений российской армии у меня нет. Думаю, таких данных нет вообще.

В конце концов, армия воюет потому, что она армия, а что там у неё на душе – вопрос двадцать пятый. Институт политруков в 2022 году только начали воссоздавать, и политруки, признаться, сами толком не знали, как с точки зрения идеологической объяснять бойцам и офицерам наши задачи на Украине, да и вообще где угодно. В стране идеология была запрещена – а на войне она вдруг понадобилась. Приходилось выкручиваться.

Но за восемь донбасских лет мне довелось перевидать многие сотни людей, идущих воевать. У меня было время, чтобы составить представление об идеологическом портрете среднестатистического ополченца.

Если в двух словах: портрета нет. Среди ополченцев имелись почти все.

Были казаки со всеми вытекающими: высокая, даже нарочитая идейность, антибольшевизм, монархизм, культ императорской семьи.

Были леваки, которые где можно и нельзя находили изображения не только Сталина или Ленина, но и товарища Артёма (он же – основатель Донецко-Криворожской совет-

ской республики Фёдор Сергеев), и немедленно размещали в красном углу. Так, расположение подразделения «Кальмиус» было увешано красными флагами и портретами советских вождей в необычайном многообразии.

К моему удивлению, среди ополченцев оказалось реально много – до четверти личного состава – убеждённых язычников. Любую часовню, молельню, церковь они обходили стороной.

Большинству же ополченцев было в целом всё равно. Если б кто-то повесил рядом с Лениным портрет Николая II, восемь из десяти ополченцев отреагировали бы благодушно или никак.

Наибольшую симпатию в ополченской среде традиционно вызывала любая атрибутика, связанная с Великой Отечественной; Жуков и Рокоссовский, красное знамя над Рейхстагом – тут вообще никаких вопросов ни у кого не возникало: ни у язычников, ни у православных, ни даже у монархистов.

Идеологически ориентированных подразделений имелось не так много, но они случались. Стрелков был правый. Мозговой был левый.

Моторола позиционировал себя как русский националист, при том, что кондовый правый движ в России его зачастую на дух не переносил. Моторолу это удивляло. Он считал, что, с одной стороны, власть задушила народный русский национализм, а с другой, что его приватизировали ка-

кие-то мутные личности. Однако русский национализм Моторолы (и пришедшего ему на смену Вохи) не имел никакого отношения к подчёркнутому белогвардейству Стрелкова, и уж точно ни Арсен, ни Воха не были монархистами.

Захарченко был и правым, и левым сразу. К Ленину относился скорей прохладно, но «русскую весну» осознанно начал под его памятником в Донецке. Николая II вовсе не считал за политического деятеля и определял как банкрота, не справившегося со страной. Советский проект в целом принимал, артефакты его ценил, но ассоциировал себя сразу и с бойцом Красной армии, и с воином армии имперской, досоветской. В роду у него были и белые, и красные, и он всеми гордился. В церковь ходил, все обряды знал назубок, устремлён был в русское, многонациональное, соборное, военизированное будущее.

Когда, освобождая территории, одновременно рисуют двуглавых имперских орлов и тут же восстанавливают памятники Ленину – это нормально.

Если провести опрос среди ополченцев, выясняя наиболее значимые для них фигуры, первое место там неизбежно занял бы Путин.

Причём Путин был бы у каждого свой. Существовал казачий Путин, Путин имперский, Путин чеченский.

И советский Путин, порождение КГБ, наследник по прямой Сталина и Андропова, тоже, конечно, имелся в наличии.

Следом, конечно же, шёл бы Сталин. Тоже у многих свой.

Сталин бывает не только советский, но и антисоветский, что исторически парадоксально, но разве людям запретишь думать, как им нравится.

За ними, примерно в равных долях, оказались бы вперемешку Святослав, Ленин, Махно, Николай II и кто угодно – могли бы выпасть такие фамилии, что вы сказали бы «Свят-свят-свят» и немедленно прекратили опрос.

На донбасскую войну ехали и закоренелые коммунисты, и радикально правые, и анархисты, и сектанты самых необычных мастей.

Я видел в офицерских кабинетах бюстики Дзержинского и портреты Потёмкина-Таврического. Замечал у бойцов наколотые солнцевороты и татуировки с Че Геварой.

Был батальон Боба Марли (Боб был левым, исповедуя при этом одно из ответвлений христианства, но вообще он любил траву).

И был батальон Евпатия Коловрата (безусловно правый, бойцы которого могли сойтись с батальоном Боба Марли если только по вопросам употребления травы).

Были те, кто считал украинскую нацию фикцией. Их всегда имелось много.

Но были и те, кто считал себя *правильными* украинцами, – они пели на мове, знали и ценили свою культуру.

Я скажу, кого там, на Донбассе, никогда не было.

За восемь лет я так и не встретил там ни одного либерала, пришедшего помочь русскому миру отстоять свои законные

права.

Все либеральные рассказы «про нашу и вашу свободу» на поверку оказались блефом.

Их волнует чья угодно свобода, только не наша.

Европейцы попутали Эфиопию и Новороссию

Весной 2022-го, в самый разгар военной кампании, я общался с итальянской журналисткой. Потратил полтора часа на вялое переругивание по поводу русской военщины и бесконечных преступлений моего Отечества перед миром.

Европейские журналисты всегда приезжают к нам не только с готовыми вопросами, но и с готовыми ответами, которые мы обязательно должны произнести, полностью признав вину и раскаявшись.

В былые времена подобные интервью я давал то по чеченской теме, то по грузино-осетинскому конфликту, то о крымской, а затем и донбасской весне, — так что нам не привыкать.

Всякое такое интервью порождало неизбежное ощущение, что по окончании разговора тебя отведут в камеру.

Итальянская это пресса, английская, французская, немецкая, испанская или польская — значения не имеет: русские для всех них априори виноваты.

При этом внешне эти журналисты ведут себя почти безупречно: в спор стараются не вступать и, главное, никаких эмоций не проявляют — но лишь выдержанность и такт. Будто разведчик перед тобой.

Но на этот раз журналистка не выдержала — и процедила в финале:

– Знаете, у Италии тоже были колонии. Но Италия рассталась с ними – и не жалеет об этом.

Я засмеялся в голос.

– Странно, – ответил я ей, – что вы об этом сообщаете – мне.

Она вскинула взор.

– Это надо Киеву сообщать, – пояснил я. – Украина вообразила себя империей и вцепилась в Крым, в Донецк, в Луганск – вместо того чтобы дать юго-востоку, при чутком внимании европейских наблюдателей, решить, как они хотят жить. Но вы, напротив, накачиваете Украину ложным имперским чувством и ощущением вседозволенности.

А ранее это надо было вам сообщать Тбилиси, чтоб и они не воображали себя империей, а позволили осетинскому и абхазскому народам самим выбрать, как им жить. Отчего ж вы, итальянцы, не научили их своему антиколониальному опыту? Зачем вы их учите ровно противоположному?

Журналистка, до сих пор имевшая ответы на любой вопрос, тут вдруг смешалась и замолчала.

Зато я не замолчал – и поведал ей одну историю.

Однажды, рассказал я, довелось мне выступать в итальянском городе Турине. Ещё до войны, до киевского «майдана», давно, – когда я мог выезжать в Европу, а не находился под всеми мыслимыми санкциями.

Ожидалось прямое включение итальянского телевидения с книжной ярмарки, и меня, как почётного гостя, поставили

рядом с местным мэром.

Так совпало, что в тот день Италия отмечала очередной юбилей объединения страны. Италия, кстати, совсем молодое государство, не то что мы. Эту страну объединил Гарибальди только в XIX веке. И даже в силу возраста, имея разницу с Россией примерно в тысячу лет, им стоило бы чуть аккуратнее давать нам советы.

Тогда, в Турине, за минуту до того, как мне должны были передать слово, я шёпотом спросил у переводчика: а можно мне поздравить итальянцев с этим великим днём?

Он на меня буквально замахал руками: ни в коем случае, нет, нет, нет. «Итальянцы ненавидят этот праздник!» – прошептал он.

Вечером мы сидели за дружеским столом с итальянскими приятелями, и они мне признались: если б вокруг не было полиции и армии, Италия давно бы передралась и распалась. Причём даже не север с югом подрались бы, а самые ближайшие территории.

– Вот, – говорили они, – есть у нас, например, город Пиза. Если пизанцам шепнуть, что вся полиция ушла в отпуск на неделю, они пойдут и сожгут соседний городок.

Я запомнил тот разговор: итальянцы были искренни и говорили об этом чуть устало, как про давно очевидное.

– Но если у вас восстанут Сицилия и Венеция, – сказал я итальянской журналистке, – и начнут войну против Рима, – русские не полезут в итальянские ваши дела, и уж точно не

начнут Сицилию или Венецию накачивать оружием. А я не приеду к вам брать наглое интервью, снисходительно допрашивая вас, почему вы ущемляете свободу слова.

Удивительно, но журналистка опять смолчала.

Напоследок я напомнил ей про итальянские колонии, ведь и это крайне любопытная история.

Есть Украина, отпавшая от России всего 30 лет назад, населённая в основном русскими людьми и уставленная городами, построенными русскими царицами и царями, а также советскими вождями.

И есть (вернее, были) итальянские колонии. Итальянская Ливия в Северной Африке. Итальянская Эритрея, итальянская Эфиопия и итальянское Сомали в Восточной Африке. Итальянские концессии в Китае. В Европе Италии принадлежало королевство Черногория. Кроме того, итальянцы совместно с Третьим рейхом имели протекторат над Хорватией.

– Все мы знаем, что Сомали, Эритрея и Эфиопия – настоящая родина для миллионов итальянцев, не правда ли? – спросил я.

И мне снова не ответили.

Видимо, я что-то перепутал, и она тактично решила меня не поправлять.

Или они сами что-то путают? Только не признаются в этом.

Напротив, они смотрят на нас оловянными глазами и говорят: «Мы же ушли из Сомали, Китая и Эфиопии – значит,

и вы должны оставить в покое Харьков и Одессу».

И что нам сказать в ответ?

И надо ли что-то говорить?

Реваншисты против рашистов

Наверняка вы часто слышали, как России, русским презрительно бросают: «Реваншисты». Что имеется в виду?

Россия, мол, испытывает фантомные боли о распаде империи – и желает реванша.

Словно это что-то ужасно стыдное.

Ну, реваншисты; ну и что?

Разве мы не окружены со всех сторон другими реваншистами?

Бандеровская Украина проиграла и желает бандеровского реванша. Петлюровская Украина проиграла и желает петлюровского реванша. И мазепинская проиграла – и тоже мечтает отыграться.

Политические немцы делают приличное европейское лицо – и никогда не признаются себе вслух, что им вечно будет нужен реванш за пережитое кромешное поражение, однажды нанесённое варварским народом. Опять же, не забудем про «миллион изнасилованных немок» – как часть послевоенного немецкого мифа. Некоторые немцы явно хотят кого-нибудь изнасиловать в ответ. Хотя бы фигурально, символически.

Поляки – самые главные реваншисты – мечтают о страшном реванше за все унижительные разделы Речи Посполитой и за отнятые у них русскими украинские земли, которые они,

конечно же, считают своими. Поэтому нужно однажды проломить череп Московскому Кремлю, а затем быстро разобратся с украинскими холопами.

Остальная Европа?

У неё кипит под сердцем тайная и неизбывная обида. СССР запустил антиколониальные процессы, которые лишили колоний и заморских территорий все европейские империи – Британскую, Французскую, Итальянскую, Португальскую, Бельгийскую, Голландскую... Британская империя занимала 21% земной суши. Пятую часть планеты! Она была больше СССР!

И эти русские большевики поломали им всю конструкцию.

Распавшаяся Османская империя тоже желает реванша. И активно, до навязчивости, работает в этом направлении.

Но это если брать страны и государства. А есть ведь ещё и политические классы, вождедеющие реванша.

В 1991 году в России к власти пришёл класс либерально-буржуазной западнической элиты, так или иначе контролировавший нашу страну в течение десяти лет. В начале нулевых этому классу нанесли ряд ударов. Березовский, Гусинский и почти вся их компания (в процессе, кстати, тоже войны, но на Северном Кавказе) выкатились из страны. Бывший российский министр Алик Кох в Германии неустанно рисовал картины, как он на бандеровском танке под польским флагом вернётся в Москву. И не он один мечтал об этом.

Но другая часть этого класса – перезагрузилась и снова присосалась к России. В 2022 году начали выкатывать и эту часть элиты. Но разве она не возжелала реванша?

Или, скажем, американские демократы: разве их желание мести меньше? Позавчерашний американский президент Обама обещал разорвать экономику России в клочья, и его клан был уверен: это выполнимо. Вы думаете, они забыли о своём фиаско? Беспрецедентные антироссийские (экономические, политические, спортивные и прочие) санкции 2022 года – которые ни к одной воюющей стране никогда не применялись в таком количестве и близко! – показывают: нет, не забыли.

В мире все хотят реванша. Одним не нравится Нюрнберг, другим – казаки в Париже 1814 года, третьим – русские ЧВК, вернувшиеся на советские базы в Африке, четвёртым – греческая православная вера...

Мы стоим посреди гремучей толпы обломавшихся реваншистов – и они кричат нам: «Реваншисты!»

Смешно.

Просвещённый эгоизм белых джентльменов

Как это было в прошлый раз, расскажу.

Впервые мне довелось побывать за границей в 2005 году – я приехал в Париж на презентацию французского перевода моего романа о чеченских событиях.

Когда я туда собирался, мой русский издатель по фамилии Иванов сказал: «Знаешь, какое самое любимое блюдо во Франции? Плохие новости из России!»

На месте я понял, что он не слишком шутил.

В книжных магазинах были выставлены на самые видные места фотоальбомы о зверствах российской армии на Кавказе, рядом с ними стояли такие же страшные тома про ГУ-ЛАГ, наблюдалось какое-то аномальное количество книг о Политковской – эта правозащитница имела тогда во Франции воистину культовый статус; надо ли пояснять, что все французы были уверены, что её убили по приказу Кремля.

Я несколько раз выступал то один, то в компании других русских писателей.

Писатели наши делились на две категории: одни везли те самые «плохие новости из России», рассказывая доверчивым парижанам про неизжитые имперские комплексы и мерзость русского бытия, другие – куда меньшее число – нехотя отбивались от атак.

Киоски французских газет пестрили путинскими фотографиями – в основном милитаристского свойства. Создавалось ощущение, что антитеррористическая операция проводится не в Дагестане и Чечне, а где-то на юге Франции.

Каждое интервью было похоже на заседание суда. Каждый журналист был немного судья и чуть-чуть прокурор. Обязательно интересовались: «Вы убивали людей?» До сих пор не пойму, зачем им была нужна эта странная информация.

Французы отчаянно любили чеченцев. Города Франции с распростёртыми объятиями принимали целые поезда беженцев. По телевизору шли бесконечные сюжеты с душераздирающими историями про них.

Потом я много раз бывал во Франции. Во Франции переводили все мои книги, и я приезжал туда несколько раз в год. И году в 2007-м, в десятый, должно быть, приезд, давая со-тое, может быть, интервью, я вдруг поймал себя на мысли: они ничего не спросили о Чечне и чеченцах.

Тема схлынула.

В 2008 году был новый шумный всплеск в связи с грузинскими событиями. Я приехал на книжную ярмарку как раз 09.08.08 – и был озадачен тем, что все французские газеты написали, что это Россия атаковала первой.

Путин снова был на всех обложках – с чёрными усиками, на танке, верхом на ракете и как угодно. С ним соперничал очень красивый Саакашвили. Французам, конечно, нравился Саакашвили.

Они спрашивали наперебой: что вы натворили? Почему в России так много агрессии? Скоро ли вы свергнете Путина?

Но когда я был во Франции спустя полгода, там даже фамилию Саакашвили не вспомнил никто.

В 2013 году, приехав в Париж, я не увидел на очередной ярмарке ни одной книги о Политковской, ни одного фотоальбома о Чечне и уж тем более ни одной обложки с Саакашвили.

Французы отвлеклись на иное.

То же самое, с отдельными поправками на местный менталитет, наблюдалось в Англии, Германии, Испании, Италии и тем более в США. Американцам вообще пофиг на всё.

Да, иностранцы не переставали говорить о Путине, они так любят говорить о Путине, эта тема заводит их, – но все эти грузины, осетины, абхазы, чеченцы, дагестанцы путались в их головах и в новом сезоне осыпались как листва.

Как только картинка покидает новости, сознание европейца и тем более американца или австралийца отказывается хранить эту информацию.

Очередной свиной грипп или птичья ангина, или новая военная авантюра американцев, или очередная трещина посреди Евросоюза переключат однажды внимание мира с украинского вопроса, как переключали уже многократно.

За смешные 20 лет фразу «России этого не простят» я слышал дюжину раз, и столько же – про «военного преступника Путина», которого больше не пустят в приличное

общество демократических лидеров.

Мы так горестно удивляемся цинизму и двуличию коллективного Запада.

Не стоит удивляться. Они не только по отношению к нам циничны. Они вообще циничны, по своей природе. В них течёт гордая кровь колонизаторов.

Столь же цинично и бесстрастно они закроют для себя украинский вопрос.

...Последний раз я был в Лондоне году, кажется, в 2015-м. Выступал перед английской аудиторией.

На встречу пришла профессиональная беженка из Чечни. Прервав меня, она произнесла давно отработанный монолог о России, которую презирает всё просвещённое человечество.

Англичане сохраняли бесстрастный вид все эти три минуты и, едва она замолчала, вернулись к прежнему разговору, словно это была шумовая помеха – но сейчас уже всё в порядке, и связь восстановлена.

Будто на лужайку в саду, где джентльмены пили чай, прилетела птица.

Здравствуй, птица. До свидания, птица. «Не знаете, что это была за птица?» – «Нет, не знаю». – «Интересное оперение». – «Да? Не рассмотрел».

Часть третья.

Бесстыдство стыдящихся

Их постоянство

Новейшая российская государственность выкармливала свою культуру, вскармливая грудным молоком и сливками, тепло дыша в темя.

И вдруг в одни сутки, с 24 на 25 февраля 2022 года, осознала: почти все эти люди ненавидят эту самую государственность. Одни – вслух, другие – молча. Ну, почти все, кроме отдельных кадров – советской ещё, как правило, выделки.

Впервые это открытие случилось достаточно давно, ещё когда была война чеченская. А потом, когда была война грузинская, – подтвердилось. И, когда Крым случился, закрепилось.

Давно пора было всем нам запомнить это открытие, но мы всё никак не могли взять это на веру – и оттого всякий раз удивлялись. Неизменно удивлялись тому, что происходило в сфере культуры и медиа в эти пресловутые минувшие восемь донбасских лет.

В канун 2014 года я вёл колонки в восьми глянцевах жур-

налах – и был отключён сразу от всех за позицию по Киеву и Донбассу. Но это мелочи, я ещё вышивать умею, выжил.

На Донбасс заехало за все эти годы войны с целью помочь восставшим русским людям считаное количество артистов и музыкантов.

Мы, между тем, приглашали многих. Не буду называть всех, но, например, я лично приглашал группу «Аквариум». Гребенщиков категорически отказался.

Зато сейчас группа всем составом выступила против войны. Но мы за тем же и звали эту группу в Донецк! Чтоб она остановила бомбёжки! Приглашение лично Александр Захарченко согласовал и визировал. Но те бомбёжки были ко-го надо бомбёжки.

В Донецком художественном театре, помню, не было в 2014 году режиссёра. Руководители попросили меня помочь в поиске дельного постановщика. И я пригласил своего знакомого режиссёра на эту должность. Он, кажется, всерьёз раздумывал и был уже готов согласиться, но его сын, знаменитый российский артист, сказал: «Отец, если ты поедешь туда работать, моя профессиональная карьера здесь, в России, закончится. Мне больше не дадут ни одной роли».

И режиссёр не поехал. Потому что сын его – не обманывал.

Мне не раз и не два говорили молодые российские актёры и актрисы: «Захар, я хотел бы приехать к вам в Донецк, но главреж, худрук и директор моего театра сразу сказали мне:

“Пиши заявление об увольнении – и вали”».

В 2015 году я подготовил антологию стихов о донбасской трагедии. Получилась яркая книга – почти все поэты имели всероссийского значения имена, – но странным образом в её публикации отказали все ведущие российские издательства. Неприлично было такие книги выпускать.

Затем мы сделали спектакль донбасской поэзии, но нас не пустили ни в один московский театр.

Этот список нелепых поражений слишком длинен, чтоб его приводить целиком; тем более, покажется, что здесь кто-то сводит счёты.

Нет. Я не свожу счёты. Я хваюсь.

У меня прекратились переводы на иностранные языки, потому что даже российские агенты не решались работать со мной на мировом рынке.

Я, как и большинство литераторов, поддержавших Донбасс, вылетел из всех премиальных процессов; а однажды, забравшись зачем-то на сайт «Журнального зала», захохотал в голос – обнаружив, что ни один толстый литературный журнал за минувшие восемь лет не упомянул даже имени моего. А это 20 журнальных редакций!

Я для них умер в 2014 году.

Нет, это прекрасно, подумал я.

Мог бы гордиться этим концентрированным невниманием; но мне, в сущности, всё равно.

Зато мне не всё равно, когда Юнна Мориц, большой рус-

ский поэт, говорит, что не может издать свои новые книги. Почему? Потому что она в своей собственной стране, где действует множество издательств, для этих издательств – персона нон грата.

Мне не всё равно, когда великий русский поэт Юрий Кублановский спокойно сообщает, что он с 2014 года загнан либералами – по той же причине – в «патриотическое гетто».

Мне не всё равно, когда на крупнейших музыкальных радиостанциях из года в год гоняют по кругу тех, кому со времён «аннексии» Крыма невыносимо стыдно, а все мои товарищи, что приезжали с концертами на Донбасс, признаются, что в их отношении действуют теневые баны – радиийные, сетевые, фестивальные.

Старые песни у старых звёзд, посещавших Донбасс, ещё крутят, но ни одна из многочисленных песен донбасского сопротивления за все пресловутые восемь лет не попала в ротацию ни одного российского радио.

Это исключено! При всём том, что это по-настоящему любимые народом песни.

Разговор всегда короткий: «О, у вас песенка (стишок, спектакль, киношка) про Донбасс?» – и перед вами тут же закрываются двери и ставни приличных салонов, журналов, каналов, порталов.

В первой четверти XXI века только наивные люди думали, что империалистами и милитаристами в России оккупировано всё. На самом деле ими были оккупированы телеви-

зионные студии трёх политических ток-шоу.

Российское культурное пространство занимали совсем другие люди.

В первый же день специальной военной операции мы увидели все эти душеспасительные списки тех, кто «против войны»: артистов, учёных, музыкантов, режиссёров, – но целую неделю нам не показывали даже короткий перечень тех, кто из числа культурных деятелей понял и принял происходящее.

Знаете, почему нам их не показывали?

Да потому что почти все они боялись! Боялись, что свои же съедят, если они голос подадут!

Как едва не съели замечательного поэта Александра Кушнера за цикл стихов о Крыме после «аннексии».

У нас даже гуманитарку на Донбасс самые смелые представители артистического мира отправляли тайно. Тайно! Лишь бы никто не узнал!

Зато писать «Прости, Украина» в бложиках, имитируя необычайное мужество, можно было в открытую.

Потому что это лишь выглядело как «пощёчина общественному вкусу». На самом деле так подавался сигнал сильным мира сего: «Я с вами, я ваш! Я не с ними! Видите?»

И они видели.

Приличные люди испохабили мир

Уже всюду шла война, и счёт погибших русских парней шёл не на сотни, а на тысячи, когда группа «Би-2», явившись в один сибирский город, увидела на сцене букву Z – и тут же своё выступление отменила.

Особый флёр этой ситуации придавал тот факт, что несколькими днями раньше та же самая группа за многомиллионный гонорар выступала на оборонном предприятии в Северодвинске, в качестве корпоративного подарка сотрудникам и особенно сотрудницам.

Там на сцене буквы Z не было, а то, что зал полон оборонщиками, которые день и ночь куют воинскую победу, группу не смутило.

Не смутило и организаторов концерта, что фронтмены группы, вечные Шура и Лёва, уже восемь лет последовательно занимали, мягко говоря, миротворческую позицию по Крыму, который «не наш», и Донбассу, куда «лезть не стоило», а спецоперацию и вовсе не приняли самым жёстким образом, подробно расписав в своих соцсетях катастрофы, которые последуют за охватившим страну припадком, цитата, «липовой русской духовности».

Зримо воображаю ситуацию, как принималось решение о концерте в Северодвинске. Это ж не мужики – сорокапудовые управленцы – такие решения принимают. А какие-ни-

будь дамы в отделе маркетинга и продвижения. А то и, что не менее вероятно, жёны руководства. «Лёлик, давай позовём “Би-2”: они такие милые, такие приличные мальчики – просто одуванчики!»

Мы вовсе не хотим обидеть или огорчить северодвинских товарищей из оборонки. Ну, позвали и позвали – лишь бы жёны были довольны, а также дамы из отдела маркетинга. Мы ж о другом.

Это не в Северодвинске так было устроено. Наши управленцы из сферы культурного маркетинга по всей стране, повсеместно, – такие. Они ценят всё «приличное». И ещё «успешное».

В стране более 80 регионов, в каждом – по министру культуры, у каждого министерства – по бюджету. Вы знаете, какой невероятный подъём патриотической культуры могли бы они обеспечить, если бы захотели?

Но у нас же буржуазная страна.

Вернее, снизу – народная, лапотная, косолапая, а сверху – буржуазная, умытая, белозубая.

Буржуазия любит, чтоб всё было успешно и пристойно.

Ну не сумели бы они никогда на концерт оборонного или любого другого предприятия позвать Алексея «Джанго» Поддубного. Он же с передовой не вылезает – наверное, весь порохом пропах. Да и со сцены может что-то эдакое сказать.

А Дмитрия «Калинов мост» Ревякина – как его позовёшь? Он смотрит, как филин, своими сибирскими глазами, и пес-

ни у него про казаков, монахов и Даурию какую-то – разве устроить с такими песнями симпатичный корпоратив?

И так везде и всюду.

Список рекомендованной литературы для старшеклассников у нас открывает небезызвестный автор детективов про сыщиков. То, что он восемь лет писал из своей Франции письма о скором падении российской сатрапии, своровавшей Крым и Донбасс, – это ж мелочи. Зато какой приятный, интеллигентный, с манерами человек. Почти как Чехов, только фамилия другая.

Наши чиновники и специалисты сферы маркетинга будто из русской классики вышли – но нет, не с той стены, на которой Ярославна оплакивала своего Игоря, и уж точно не со страниц романа «Молодая гвардия». Они вышли будто бы из числа второстепенных героев пьес XIX века – Островского, что ли, или какого-нибудь Сухово-Кобылина, – где неизменно имеется прислуга, которая вечно подглядывает, как там у господ-с.

У господ-с сидит в гостях Борис Акунин. А ещё забежали Шура и Лёвочка – такие душки, такие душки. А какой милый Антоша Долин – вы видели его в гостях у Вани? Ой, я просто не могу, какие милые. Просто красавчики и так смешат, так смешат, даже заплакала от смеха.

Специалисты по маркетингу и чиновники не догадываются, что русская культура прилично никогда не выглядела. Им кажется, что русская культура всегда была похожа на Аку-

нина. Но на самом деле она всегда была похожа бог знает на что.

Пушкин играл в карты, писал злобные эпиграммы на всех подряд и рвался на любую войну, которую вело его Отечество.

Достоевского на каторгу отправили, был он всклокоченный и нервный, и в рулетку играл, и любой войне, ведущейся Родиной, не поверите, оправдания находил.

Лев Толстой войне оправданий не находил, хотя сам, было время, во все стороны из пушки стрелял, – но он и либерализм на дух не выносил, и европейские ценности презирал, и буржуазию клеймил не хуже, чем Маяковский.

Маяковский – это который в тюрьме сидел за антибуржуазные деяния и жёлтую кофту носил из презрения к толпе. А Есенин – это который всё хотел с Маяковским подражаться, и пил в чёрную голову, и стихи писал матом, как Пушкин, а если не матом – то про Ленина. Такие же, как Пушкин – про Петра, Державин – про Екатерину, а Твардовский – про Сталина. Панегирические – о сатрапе. Ещё там были Фадеев, Симонов, Шолохов – литераторы и сталинские полковники, – которые то в запой впадут, то на очередную войну уедут, то с актрисами свяжутся, а когда Сталину про это докладывали, он в ответ говорил, пыхая трубкой: «Что делать будем, что делать будем – завидовать будем».

Неприличные были люди, ужасные.

Это лишь вблизи казалось, что Александр Андреевич Про-

ханов – милитаристский зубр с брежневскими бровями, а Лимонов – психопат с тюремным сроком и бесконечными жёнами, но, если отойти чуть дальше, оказывалось, что они ровно такие же, как Пушкин и Денис Давыдов, Маяковский и Шолохов.

Зато Акунин – идеальная помесь Анастасии Вербицкой с безымянными авторами копеечных книжек начала века о сыщике Пинкертоне, если вы понимаете, о чём я.

Даже царские вельможи в своих дурацких причёсках – и те могли догадаться, что в страшные дни войны воззвания к народу должен писать ретроград, ненавистник европейских ценностей и адмирал Александр Семёнович Шишков. Что царскую семью должен воспитывать тот ещё тип Василий Жуковский. Что на сложнейшие дипломатические задачи стоит направлять Грибоедова и Тютчева – ещё двух повес и, кстати, неистовых хулителей европейского либерализма. То есть людей, стоявших на ровно противоположных мировоззренческих позициях, чем Лёва, Шура, Боря и кто там ещё у вас.

Даже советские квадратные чиновники, годами пребывавшие в лёгком бессознании, делали ставку на вечно поперечного Шукшина и вовсе перпендикулярного Тарковского – ровно потому, что они оба – русские до мозга костей и к тому же одарённые до невозможности.

Мало того, эти квадратные чиновники чего б потом ни говорили, но буйного и временами помешанного Высоцкого

не переставали и в кино снимать, и в театре показывать, и на свои тайные корпоративы, замаскированные под обычные пьянки, звали если не Кобзона, тоже с войны на войну кочевавшего, то либо Владимира Семёновича, либо Александра Яковлевича с его 15 командировками в Афган, а не эту вот гламурную спесь, что воцарилась у нас к началу XXI века.

Как так вышло, что страна, где живут дети и внуки великих воинов, не смогла среди своих артистов найти хоть одного реального викинга вместо такого приличного, такого душечки Данечки Козловского с его пацификом на аватарке, явленным 24 февраля 2022 года?

А разве в кинематографе хуже, чем Антоша Долин, разбирался Михаил Трофименков из Питера – блистательный специалист, умница, интеллектуал высшей пробы и, кстати, совершенный ватник? Трофименков разбирался лучше, но в телевизоре всё равно Долин сидел и вещал. Потому что Трофименков – какой-то фу: он совсем радикальный, мало ли что он вздумал бы сообщить зрителям.

Давайте лучше на экране будут Тотоша и Кокоша, на корпоративе будут Тотоша и Кокоша, в телевизоре будут Тотоша и Кокоша, в Кремлёвском дворце будут Тотоша и Кокоша, в учебнике будут Тотоша и Кокоша и в новогоднем «Огоньке» будут Тотоша и Кокоша.

«Лёлик, сделай мне красиво, чтоб как у господ-с».

Откорм могильщиков

В своё время либеральная политическая элита и креативный класс негласно заключили с российской буржуазией особый пакт.

Пакт гласил: мы, либеральная политическая элита, тоже, как и вы, буржуазия и креативный класс, с некоторым сомнением, а то и с неприязнью смотрим на все эти скрепы, танки, донбасских ополченцев и прочие калинки-малинки. Но нам вместе надо понять: это надо народу. Не слишком богатый, а то и просто бедный народ любит – скрепы, пушки, ополченцев и калинку-малинку. У него просто ничего нет больше.

А у нас есть.

Мы, либеральная политическая элита России и креативный класс, как и вы, буржуазия, любим европейские ценности, шоу поперечных комиков, шутки Невзорова и «глубокие» мысли Антона Долина. Мы, как и вы, ненавидим «совчину», портянки и кагэби. В сущности, мы одно.

Поэтому давайте договоримся так. У этой хтонической звероватой массы есть Министерство обороны с их железными игрушками – им вполне достаточно. Пусть любуются на своих десантников и вертолётники. Народу мы оставим политические шоу, чтоб злокипучий зоопарк «экспертов» заливал там про великую русскую миссию.

А себе мы оставим всё остальное: бюджеты, театры, ра-

диоточки, арт-площадки, фестивали, журналы, награды и все прочие вкусные расклады.

И за это вы, креативный класс и просвещённая буржуазия, будете дарить нам, политической элите, лояльность. Мы будем вас поливать, как в теплице, а вы нам – дарить. Потому что мы одной крови – вы и мы.

И так они дарили друг другу тепло и верность. Этот союз был неразделим. Началась война – и за первый год войны он не дал ни одной трещины.

Выяснилось: так называемый «простой народ» любит свою страну, верен своей стране, и, едва случилась война, – потянул, как один он умеет, вместе со своей армией эту страшную лямку войны, работы на результат – и на фронте, и в тылу.

Зато буржуазия и «креативный класс» – в абсолютном своём большинстве – сразу же признались в ненависти к происходящему. Ведь втайне они всей душой презирали грубый и нелепый народ.

Догадываюсь, какие доклады поступали императору о ситуации в стране в начале войны. Нормальные доклады поступали! «Народ безмолвствует, пятая колонна купирована, революции не будет, отдельные эксцессы с руководителями театров, университетов, а также рестораторами, декораторами и звёздами блогосферы случились, но не играют особой роли».

Но они не играли особой роли вовсе не вследствие без-

упречной работы управляющего класса. Они не играли особой роли только по той элементарной причине, что в России остался к тому времени – один народ.

Наполовину плюнутый, на вторую половину выживавший как умеет, презируемый своей буржуазией и «креативным классом», замордованный всепожирающей, тупой и бесстыжей поп-культурой, но потрясающим образом не растерявший по пути из страшного прошлого в безобразное будущее своих святых, своих полководцев, свою калинку-малинку и веру в ангелоподобных десантников.

Именно и только этот народ обеспечивал сохранность государству и лично либеральной политической элите.

Беда же состоит в том, что народ этот – подтаивает, надывается, томится, а на смену ему идёт поколение младое, незнакомое.

Из всех своих университетов, с каждой парты элитных школ, с каждой заметной тусовки, из всех сетевых ресурсов с тьмой подписчиков с первых дней войны шли тоскливые сигналы: «Нет войне, долой армию, мы ненавидим власть, верните TikTok, сатрапы».

Если выстроить в рядок всех топовых рок- и рэп-музыкантов, которые высказались против войны, а то и прямым текстом топили за армию Украины, а после сосчитать их подписчиков, – получится безумная цифра миллионов в 50.

Если к ним плюсануть миротворца Митю Глуховского и миротворца Даню Козловского, пяток самых молодых и мод-

ных кинорежиссёров и дюжину самых клёвых продюсеров, — это и будет портрет «элиты», которую у нас воспитали и выкормили к 2022 году.

Эта «элита» могла бы выжрать весь мозг и старшему поколению, но не справилась. Недоработочка! Зато с младшим она поработала от души.

Младшие вырастут. Они расправят, как те самые, из дурацкой книжки, атланты, свои белые плечи и скажут: «Мы здесь».

И тогда буржуазия и креативный класс разорвут этот негласный пакт с властью и заключат с ними.

И власть сожрут.

Проблема только в одном: её сожрут вместе со страной.

Заткнуться на чужих похоронах

Когда противостояние вспыхнуло с новой страшной силой, нет-нет да и начали доходить слухи о том, что в приличных культурных кругах мне ставят на вид: как-де мне не стыдно публично поддерживать одних писателей (тех, кто «за войну») и обижать других писателей (которые якобы «за мир»).

Нехорошо-с: мы ведь все – дети русской словесности, и должны возлюбить друг друга.

Избыточная литературоцентричность сознания видна была здесь.

Мне и в голову никогда не приходило завидовать своим коллегам по ремеслу: у меня всегда имелось своё место, и я был им удовлетворён.

Но когда случается война – любой разговор о литературе и литераторах сразу приобретает несколько иные смыслы.

Позиция моя была прозрачна с самого начала: я вёл речь не о писателях. Я вёл речь о людях, которые желают поражения моей армии. Моим собратьям. Моим друзьям.

Вот у меня был добрый приятель, позывной Воха. Его убили.

Вот у меня был близкий друг, позывной Граф. Он погиб. Я его похоронил.

За первые месяцы спецоперации я недосчитался дюжины

знакомых и бывших однополчан.

У меня гибли земляки с Рязанщины, где я родился. Гибли с Верхнего Дона, где я вырос. Гибли с Нижегородчины, где я жил.

Тут вылезал из-под куста мудреватый кудрейка или кудреватый мудрейка в статусе светила отечественной словесности – и цедил, буквально, следующее: российская армия должна с позором проиграть, а следом Россия понесёт заслуженное наказание.

Я переводил это так: пусть они ещё раз убьют твоего Воху и ещё сто раз убьют Графа, пусть они убьют всех, кто стоит на их пути, пусть ваша армия бежит до Урала, а мы будем улюлюкать вам вслед, потому что вы – агрессоры и мерзавцы.

Для меня не имело и никогда не будет иметь никакого значения – писатель это говорит, музыкант или продавец бубликов.

Я говорю ему в ответ то, что думаю о нём.

Я говорю ему: ты урод.

Я говорю: я не хочу тебя видеть и слышать, равно как ты не хочешь слышать меня.

Ты – против моих мёртвых. Почему я должен сидеть с тобой за одним столом?

Мне отвечают: у него другое мнение.

Какое ещё «другое мнение»? Вы в своём уме?

У меня – убили брата! А у него по этому поводу «другое мнение»: он рад, что его убили. И я должен его *понять*, ведь

у него такой хорей, такие ямбы.

У меня кровь приливает к голове, когда я это слышу.

Между прочим, у нас есть отличие, и оно весомо.

Я вовсе не хочу, чтоб его убили, этого человека с другим мнением. Я просто хочу, чтоб он заткнулся – на похоронах, где мы провожаем товарищей.

А вот он хочет, чтоб нас *не было*.

Говоря на каждой новой, ведомой Россией войне о необходимости нашего поражения, на самом деле он знает, как это поражение выглядит. Он хочет, чтоб нас, взявших в руки все виды оружия, – наказали, лучше – посадили, но если убили – тоже не беда. Так надёжнее.

Здесь меня опять перебивают и почему-то именно мне начинают объяснять, что русская культура обеднеет без них, что у неё должно быть два крыла, и очень длинный хвост, и глаза, которые смотрят в разные стороны.

А меня, говорю, тошнит. Я слышать это не могу уже.

Россия хоронит своих сыновей, своих детей и братьев, – а мне подсовывают очередное ехидное лицо литератора или артиста, и говорят: ну это же твой собрат по ремеслу, возлюби его, напрасно вы ссоритесь.

Пишут, что зря я «идеологизирую литературу».

Да что с вами вообще?..

Люди, которые многоумно и благообразно рассуждали об эмпатии, о гуманизме русской словесности, оказались напроочь лишены этой эмпатии по отношению к собственной

армии. На эту армию не распространяется их гуманизм. Вместо этого они расчёсывают свою тоску о том, что без Симеона Харитоновича и Соломона Соломоновича обеднеет картина русской поэзии.

Ничего с вашей поэзией не случится. Пусть цветёт сто цветов.

Просто передайте Симеону Харитоновичу и Соломону Соломоновичу, что моё сердце навсегда болит – только о русском солдате.

Я давно потерял надежду докричаться до всех оглохших в своём литературном, кинематографическом, театральном эгоцентризме.

Тёплые инфантильные люди, не знавшие никогда ни крови, ни горечи, ни опыта национальной беды, – откуда им знать о том, с чем они не встречались?.. Они выросли, видя только друг друга, глядя друг друга, теща друг друга.

Но если всякий раз являться на похороны и по-вороньи каркать: «Покойник был убийцей! Мало вас убили!», – я не знаю, какой ещё реакции на свои речи желают эти люди.

Поломали монстров Кинга

Американский писатель Стивен Кинг отреагировал на русские наши ратные дела бурно, настойчиво, навязчиво.

Едва началась война, он стал выдавать один за другим посты в поддержку политического Киева, традиционно добавляя в финале «Слава Украине!».

Кажется, в психологии есть этому объяснение: Кинг так долго пестовал и разбирал на составные зло, что втайне его любил.

Нет, конечно же, он сам это видел иначе.

Помните, у него был роман про одинокую девочку, которую все обижали, а она научилась усилием воли бросать огромные камни с неба и закидала этими камнями свой городок?

Кинг был уверен, что эта девочка – Украина. Он возжелал подать ей свой камень, чтобы она уронила его на Москву.

Увы, политическая Украина – не одинокая девочка. Украина – девочка, с которой все дружат.

Одиноким мальчиком восемь лет был Донбасс, до которого никакому Кингу не было дела. Донбасс на всей планете признавала одна Южная Осетия. Донбасс воззвал к небесам – и полетели камни.

Это и напугало Кинга.

Втайне он испугался за потусторонний, инфернальный

мир, который великолепно описал и выучил наизусть. Едва явилась в мир политическая Украина с воркующим голосом Вакарчука, древесным интеллектом Берёзы, в зелёной майке Зеленского – он сразу же узнал созданных им чудовищ.

Не без оснований он считал, что русские их всех поломают.

...Впрочем, американского гражданина Стивена Кинга можно и не усложнять. Он обычный старик с того континента, посмотревший за свою жизнь сотню фильмов, где русские всегда были плохими. Кроме зла, о котором он сочинял полвека по роману в год, Кинг, в сущности, ничего не знал. Перепрошить такое сознание – в любые времена практически невозможно.

Несмотря на то, что в знак протеста Кинг запретил продавать права на свои новые романы русским издательствам, уже изданные ранее его книги весь первый год войны были представлены в книжных магазинах по всей России необычайно широко.

Меня тронули данные, предоставленные российской социологией по результатам книжных продаж за первое полугодие войны.

Хорошая новость состояла в том, что книжный рынок рос. Люди, оглушённые войной, стали больше читать.

Но что они читали – стало в известном смысле открытием. Первое место безоговорочно занял тот самый Стивен Кинг: только в 2022 году в проклятой им России было про-

дано полмиллиона экземпляров.

Далее шли: Достоевский, Агата Кристи, Эрих Мария Ремарк.

Одно из призовых мест, обогнав по тиражам Льва Николаевича Толстого, Алексея Константиновича Толстого, Алексея Николаевича Толстого, а также Михаила Булгакова, Шолохова и Пушкина, заняла скандальная книга двух барышень, посвящённая любви пионеров нетрадиционной ориентации.

Я сразу вообразил себе следующий весёлый сюжет.

Шёл шестой месяц военной спецоперации.

– Товарищ Сталин, мы подготовили доклад о достижениях на книжном рынке.

– Слушаю вас, товарищи.

– Сложная картина, товарищ Сталин.

– Говорите, не стесняйтесь. Мне докладывали, что список книжных продаж возглавляют первая книга романа Алексея Толстого «Пётр Первый», четвёртая книга романа «Тихий Дон» Шолохова, «Повесть о настоящем человеке» молодого писателя Полевого... Это верная информация? Или есть изменения?

– Да, товарищ Сталин. В числе лидеров рынка – повесть про пионеров-педерастов.

– Интересная информация, минуточку, я запишу. «В числе лидирующих...» Так. А кто лидер рынка?

– Стивен Кинг, товарищ Сталин.

– Это который приветствовал наш польский поход?

– Нет, это который активно болеет на весь мир за поляков, Петлюру, Бандеру и США. И заканчивает каждое выступление словами «Слава Украине!».

– Что ж, пусть будут разные писатели в продаже. Он же мастер. Пастернак сказал, что Кинг – мастер. Но что у нас с продажами книг наших военкоров, наших поэтов, что на передовой и в тылу творят победу? Они есть хотя бы в первой сотне продаж?

– Нет, товарищ Сталин.

– Почему?

– Строго говоря, их вообще нет в продаже. Пока они не представлены в книжных сетях.

– Хорошо, товарищи, идите. Вас проводят. Вернее, встретят... Да, за Достоевского спасибо. Впрочем, не вам. Вы тут ни при чём.

...Тем временем российские книгоиздатели горевали: если Кинг уйдёт с рынка – люди, потерявшие возможность его читать, не встанут в очередь за книгами ватников и милитаристов!

В этом утверждении имелась своя формальная логика, которая выставляла Россию деспотией, лишаящей своих читателей выбора. Но здесь, однако, не наблюдалось общей картины, которую стоило б лёгкими мазками дорисовать.

Был такой писатель – Максим Горький. В начала XX века его популярность казалась беспрецедентной. Он был од-

ним из самых популярных писателей в мире. В пятёрку точно входил. Более того, он был самым популярным драматургом в мире, обгоняя по количеству постановок Ибсена и Чехова, и лишь Шекспир мог соперничать с Горьким. Собрания сочинений Горького – дорогие многотомники! – выходили на всех основных языках мира. Он был натуральной мировой суперзвездой.

Но потом Горький вернулся в СССР, поддержал политику Сталина, и в течение последующего полувека по его репутации нанесли невероятной силы удары. Имя Горького приобрело почти неприличное звучание. Ни один западный интеллеktуал не рисковал сказать вслух о том, что ценит Горького. Его книги не стали менее гениальны, но его самого – отменили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.